

Денис Сахарных

Арима: этимологический этюдЭлектронная версия статьи
v. 1.1

Издано (с некоторыми ошибками в передаче транскрипционных знаков): Сахарных Д.М. Арима: этимологический этюд // *Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.* Материалы научной конференции. Ижевск, 2000. С. 389–393. Здесь воспроизводится с исправлением замеченных погрешностей. До 2008 г. публиковалось (v. 1.0) также в открытом доступе в гипертекстовом формате на удмуртском научно-культурном информационном портале «Удмуртология» по адресу <<http://www.udmurt.info/texts/arima.htm>> с сохранением всех авторских прав. С 2008 г. публикуется под лицензией Creative Commons Attribution-Noncommercial-No Derivative Works 3.0 Unported (by-nc-nd).

В известной работе Ф.Й.Страленберга (Табберта) «Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia...» единственный раз упоминается загадочный топоним Арима [...die Wotiaken, die sich selbst in ihrer Sprache Arr, und ihr Land Arima nennen] (Strahlenberg F.J., 1730, S. 76)], встречающийся, кроме этого, лишь в одном из трудов В.Н.Татищева (Татищев В.Н., 1962, с. 405), причём татищевская формулировка («Вотяки сами зовутся ари [Pluralis от *ар* – *Дсах.*], а предел, что мы именуем Вятский, они зовут Арима») дословно повторяет информацию Страленберга, к которой, по-видимому, и восходит напрямую — с книгой Страленберга В.Н.Татищев был хорошо знаком.

Происхождение названного топонима представляет безусловный интерес, тем более что в литературе данный вопрос практически не получил рассмотрения (см. ниже).

Этноним *ар* (тат., баш. *är*, чув. *ar* ‘удмурт’), приведённый обоими авторами вместе с Арима, явно напрашивается на сравнение с последним, который в таком случае может рассматриваться как композит. Проблема состоит в том, что происхождение самого этнонима на сегодняшний день никак не может считаться окончательно установленным, несмотря на значительное количество выдвинутых на сей счёт версий [многие из которых, однако, либо отражают народную этимологию, либо построены по таким же методологическим принципам, подробнее см., напр., (Белых С.К. 1996; Чураков В.С. 2000a)].

Так, В.И.Алатырев (Алатырев В.И. 1988, с. 100) предполагал для этнонима *ар* иранский источник [ср. ир. *ārya*, **āryana-* ‘ариец, арийский’, *ārii* – название одного из скифо-сарматских племён etc. (Оранский И.М. 1960, с. 142)], что едва ли приемлемо, поскольку требует возводить происхождение этнонима, обозначающего специально удмуртов, к формам с консонатизмом, отличным от скифо-сарматского (характеризовавшегося переходом *ry > l(i)*), ср. скиф.-сарм. *Άλανοι*, осет. *allon*), что влечёт за собой ряд трудно-приемлемых этноисторических допущений (см. Белых С.К. 1996, с. 91).

В.К.Кельмаков, следуя за Жирай Миклошем (Zsirai M. 1937, o. 226), связывал происхождение данного этнонима с рефлексией тюр. **er* ‘муж, мужчина, самец’ [в болгарской огласовке (?), ср. чув. *ar < *är (*er)*] (Кельмаков В.К. 1970), что встречает возражения (Алатырев В.И. 1988, с. 102–104; и др.) с точки зрения семантики (использование термина со значением ‘муж, мужчина, самец’ для наименования иного этноса).

Согласно же В.С.Чуракову (2000a, с. 59), *ар* имеет древнетюркскую (!) этимологию

[ср. *ar*, *ār* ‘рыжий, бурый, красноватый’ (ДТС, с.50)]. На этой версии следует остановиться подробнее. В общих чертах рассуждения автора сводятся к следующему: название *ar* ‘рыжий (по цвету волос)’, данное удмуртам соседившими с ними тюрками [«... некоторые древнетюркские племена могли появиться в Среднем Поволжье задолго до болгар в результате Великого переселения народов» (Чураков В.С. 2000а, с.59)], получает широкое распространение «среди других народов» в болгарскую эпоху, утрачивая при этом буквальный смысл (‘рыжий (человек)’ > ‘удмурт’) и становясь самоназванием по крайней мере южных удмуртов. К этому же древнетюркскому апеллятиву восходит и название удмуртов на языках поволжских тюрков (см. выше).

Прежде всего, заметим, что вышеприведённые формы *ar*, *ār* были взяты В.С.Чураковым из «Древнетюркского словаря», который не является словарём древнетюркского языка, представляя собой «свод той лексики, которая сохранилась в многочисленных тюркоязычных памятниках VII–XII вв.», выполненных с помощью «орхоно-енисейской, арабской, уйгурской, манихейской письменностей и письменности брахми» (ДТС, с. VI–VII). По этой причине, а также в силу того, что использованные составителями ДТС первоисточники (словарь Махмуда Кашгари, публикации Г.Рахмети) нам недоступны, охарактеризовать праформу, которая должна, по мысли В.С.Чуракова, давать начало этнониму *ar*, с этнолингвистической стороны не представляется возможным; остаётся лишь констатировать уверенность автора версии в раннем (т.е. добулгарском) происхождении такой праформы (Чураков В.С. 2000а, с. 59–60).

Поскольку подавляющее большинство исследователей увязывают начало тюркизации названного региона с приходом болгарским племён (напр., Zimonyi I. 1990), то в случае с этнонимом *ar*, в предположении, что он действительно имеет тюркские корни, едва ли имеются, даже с учётом осторожных предположений В.В.Напольских (Напольских В.В. 1995, с.43–48), возможности говорить о его добулгарском характере. Далее, непонятно, в какой именно язык могло произойти заимствование из «древнетюркского» источника. В пермских языках апеллатив *ar* ‘красный, рыжий, бурый’ во всяком случае отсутствует, и нет никаких данных о том, что название *ar* действительно служило самоэтнонимом (или «политонимом», по выражению В.С.Чуракова) даже для какой-то части удмуртского населения. Если согласиться с автором версии в том, что исходная форма была сначала заимствована из древнетюркского в болгарский, а затем и в другие языки Урало-Поволжья, то в таком случае постулирование наличия гипотетической добулгарской формы является методологически излишним — оно не подкрепляется никакими фактами, между тем апеллировать к болгарскому лингвистическому материалу непосредственно мы не можем.

Следует полагать, таким образом, что этноним *ar* возник в одном из поволжско-тюркских языков самостоятельно. Если его возникновение имело место в болгарском языке, то возможность существования в современном чувашском языке рефлексии с сохранённым *a*- в первом слоге (чув. *ar* ‘удмурт’), безусловно, близка к нулю в следствие закономерного замещения изначальных тюркских гласных первого слога *a* и *ā* соответственно через *ä* или *u*, так что *a*- первого слога в современном чувашском языке возникал вторично на месте тюр. **ä* (< **ε*), **ā* или даже **ō* (СИГТЯФ, с.67, 70). При этом релевантная форма типа **ур* или **ыр*, насколько нам известно, даже не была нигде зафиксирована.

На основе всего вышеизложенного естественным образом возникает вопрос о позднем

происхождении лексемы *ар* в чувашском языке. Собственно, ничего удивительного в таком положении дел нет, поскольку, как известно, чувашаи (до XIX в. не имевшие, как и удмурты, письменности) с удмуртами не соседят, и вероятное наличие специального обозначения для удмуртов в языке болгар не меняет ситуацию — потеря объекта номинации при отсутствии закрепления в памятниках письменности создаёт все шансы для скорейшей эрозии лексического элемента.

Вполне логичным было бы рассматривать чувашское *ар* ‘удмурт’ как татаризм (это сразу снимает фонетические затруднения), который, в свою очередь, вполне мог восходить к некоторой форме, возникшей ещё в болгарскую эпоху. По этой причине предположение об этимологической связи тат., баш. *âr*, чув. *ар* ‘удмурт’ с наличествующим „во многих тюркских языках словом *ar/aru* «напротив, на той стороне; та, другая сторона, находящийся на другой стороне; туда, дальше»“ (ср. тат. *ârâ* ‘дальше, далее’), высказанное С.К.Белых (Белых С.К. 1996, с.91–92), заслуживает самого пристального внимания. По мнению исследователя, развитие семантики в данном случае могло происходить как следствие употребления поволжскими тюрками апеллятива *arâ* для наименования области по ту сторону Камы, заселённой предками южных удмуртов или самих жителей этих областей, в составе композитов наподобие **âr(â)lar* или *ârjaq* — ‘жители заречья’, ‘заречье’ и т.п.

Выпадение инлаутного *â* в таких композитах объяснимо без труда (Белых С.К. 1996, с. 92). Сложнее обстоит дело с семантикой: если компонента *ар-* в таких композитах «стала осмысляться тюрками не как вышеупомянутый апеллятив, а как этноним — название удмуртов» (Белых С.К. 1996, с.92), то это должно было являться результатом некоего переосмысления вышеупомянутых композитов по образцу *ârjaq* ‘та сторона, заречье другой берег’ > *ârjaq* ‘сторона, берег аров (= удмуртов)’ — последняя форма воспринималась как производное от *âr jâjâ* ‘арский берег’, и т.п.

Такого рода смысловое переразложение композитов, обе части которых имеют незатемнённую семантику (напомним, что лексема *ârâ* является употребительной и в современном татарском языке!), нам представляется странным и маловероятным, хотя и не невозможным. Отсутствие объяснения причин, приведших к такому обороту дела, является весьма существенным недостатком версии С.К.Белых; но, вместе с тем, ей присущи и очевидные достоинства — она безупречна фонетически, возводит этноним *ар* к реально существовавшим осмысленным формам известных языков, носители которых непосредственно и весьма тесно контактировали с удмуртами, так что она не требует сомнительных этноисторических допущений.

Принимая, таким образом, версию о тюркском происхождении этнонима *ар* как первой части композита Арима, логично было бы пытаться отыскать объяснение и для другой его части, а именно *-ма*, также в тюркских языках. Однако происхождение этой компоненты на материале тюркской морфологии, очевидно, объяснено быть не может (см., напр., Щербак А.М. 1977, с. 186), а топоформант *ма* со значением ‘земля, сторона’ и т.п. (по Страленбергу и Татищеву, словом Арима удмурты называли свою землю, см. выше) в тюркской топонимике региона отсутствует.

Едва ли верна и предложенная В.С. Чураковым трактовка компоненты *-ма* как рефлексии ПШерм. **та* ‘земля, территория’ (совр. удм. *ти* ‘тж’), поскольку фиксация названия

Арима относится к XVIII в., в то время как звукопереход **ta > tu* происходил ещё в прапермскую эпоху и оставил след во всех удмуртских и коми диалектах [вопреки домыслу Т.И.Тепляшиной (Тепляшина Т.И. 1965, с.27)] (Чураков В.С. 2000а, там же). Можно предположить за В.С.Чуракова, что мы имеем дело с последствиями адаптации формы на *-i* к европейскому слуху Страленберга, Татищева и др., но в любом случае топонимическая модель, описанная В.С.Чураковым (какая-либо основа, напр., апеллатив, + *ta/tu* ‘земля, территория’ образуют композит) для пермских народов в целом, кажется, не является характерной — древнее **perätā*, ныне существующие *komtu* ‘район Чердыни’ и *komī tu* ‘земля, территория коми’ (причём последнее, по-видимому, следует классифицировать как свободное словосочетание по аналогии с *śužan tu, rednej tu* ‘родная земля, родина’; *roś tu* ‘земля русских, Россия’ или *jaran tu* ‘земля обских угров’) представляют собой практически исчерпывающий список такого рода названий, притом с коми «уклоном», что не случайно, т.к. удм. и коми. *tu* не взаимозаменяемы: коми *tu* ‘земля, территория’ по семантике соответствует скорее удм. *tuzjet* (удм. *tu* ‘участок земли, делянка’ никогда не образует сочетаний типа *komī tu* — в этой функции всегда выступает *tuzjet*). В.В.Напольских обоснованно связывает возникновение формы *tuzjet* с языковым влиянием на южных пермян именьковского населения (сер. I тыс. н.э.) (Napolskikh V.V. 1996, S.97–106) — в силу этого какова вероятность существования описанной топонимической модели на юге пермского ареала, тем более во времена Страленберга? Многочисленные прибалтийско-финские топонимы на *-maa*, вопреки мнению В.С.Чуракова, не составляют здесь аналогии ещё и потому, что бытуют в рамках топонимической модели, формировавшейся под германским влиянием (топонимы на *-land*).

Не более перспективной представляется и возможность установить с привлечением этноисторически релевантного языкового материала этимологию топонима Арима как целого. Всё это побуждает нас предложить свой вариант ответа на вопрос о происхождении загадочного топонима.

Как известно, «В.Н.Татищев и Ф.И.Страленберг, считая этноним *ар* самоназванием удмуртов, пытались объяснить его происхождение связью с легендарными народами аримаспиями, которых упоминал «отец истории» древнегреческий писатель Геродот..., и аримфеями*, о которых писал древнеримский учёный Плиний (выделено в обоих случаях нами, — *ДСах.*)» (Чураков В.С. 2000а, там же). Очевидное сходство названия Арима с вышеназванными этнонимами (*аримфеи, аримаспии*), по нашему мнению, содержит в себе разгадку происхождения исследуемого топонима, и позволяют нам классифицировать саму информацию об Арима как артефакт, лишь в силу случайных обстоятельств (поздняя публикация трудов Страленберга и Татищева в России) не получившая столь широкого распространения, как, напр., известный историографический казус с *Золотой Бабой* (см.Трубецкой Н.С. 1906).

*В оригинале: «арамеями (Aramai)» (Strahlenberg, op.cit., S.76), что представляет собой явную ошибку, см. об этом (Чураков В.С., 2000б, с.91).

This work is licensed under the Creative Commons Attribution-Noncommercial-No Derivative Works 3.0 Unported License. To view a copy of this license, visit <http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/> or send a letter to Creative Commons, 171 Second Street, Suite 300, San Francisco, California, 94105, USA.

Address:
Denis Sacharnych
denis@udmurt.info

Сокращения

баш. — башкирский язык; ир. — иранские языки; осет. — осетинский язык; скиф.-сарм. — скифо-сарматский язык; совр. — современная форма; тат. — татарский язык; тю. — тюркские языки; удм. — удмуртский язык; чув. — чувашский язык

Литература

- Алатырев В.И. 1988. Этимологический словарь удмуртского языка. Буквы А, Б. Ижевск.
- Белых С.К. 1996. Ещё раз об этнониме ар // Финно-угроведение, № 3. Йошкар-Ола.
- ДТС = Древнетюркский словарь. Л., 1969
- Кельмаков В.К. 1970. Происхождение и первые упоминания этнонима «ар» // Этнонимы. Москва.
- Напольских В.В. 1995 О «древнетюркских» заимствованиях в удмуртском языке // Финно-угроведение, № 3–4. Йошкар-Ола.
- Оранский И.М. 1960. Введение в иранскую филологию. Москва.
- СИГТЯФ = Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М., 1984.
- Татищев В.Н. 1962. История Российская. Том I. М.–Л.
- Тепляшина Т.И. 1965. Памятники удмуртской письменности XVIII века. Выпуск 1. Москва.
- Трубецкой Н.С. 1906. К вопросу о Золотой бабе // Этнографическое обозрение, СПб.
- Чураков В.С. 2000а. О значении этнонима ар // Вордскем кыл. №5, Ижевск.
- Чураков В.С. 2000б. Южные удмурты в X – середине XVI века (проблемы социально-политической истории). Рукопись. Ижевск.
- Щербак А.М. 1977. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Имя. Ленинград.
- Napolskikh V.V. 1996. Die Vorslaven im unteren Kamagebiet in der Mitte des 1. Jahrtausends unserer Zeitrechnung: Permische Sprachmaterial // Finnisch-Ugrische Mitteilungen. Bd. 18/19. Hamburg.
- Strahlenberg F.J. 1730. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia... Stockholm.
- Zimonyi I. 1990. Origin of the Volga Bulghars. Szeged.
- Zsirai M. 1937. Finnugor rokonságunk. Budapest.